

Чу Цин-Янь.

Это её имя.

Она уставилась, немного отвлекаясь. Слова были легки, как ветер. Настолько выразительные, но при этом сдержанные. Аромат чернил расслаблял людей. Она никогда и не думала, что такие простые слова могут быть написаны таким образом, чтобы заставлять людей приковать к себе взгляды.

Сяо Сюй даже не догадывался о её восхищении. Он протянул руку, чтобы постучать по бумаге, и неторопливо сказал: «Твоё имя».

Чу Цин-Янь неосознанно кивнула головой.

«Учиться читать мы начнём с твоего имени. Сейчас ты будешь практиковать эти три слова», - Сяо Сюй слегка сдвинулся в сторону, уступая своё место. Чу Цин-Янь снова кивнула.

Она схватила кисть и опустила её в чернила. Ворс был гладким и пышным, а густые чернила затрудняли разделение отдельных волос.

Чу Цин-Янь уже давно не писала кистью, поэтому она даже не догадывалась о том, в каком состоянии были её навыки. Её пальцы слегка подрагивали, когда капля чернил вытекла, приземляясь на белоснежную бумагу и растекаясь по ней.

Чу Цин-Янь подсознательно взглянула на Сяо Сюя, который наблюдал за ней со стороны. Увидев, что он никак не отреагировал, она облегченно вздохнула. Она сразу же вытерла лишние чернила о чернильницу. Сейчас она была озабочена тем, что на её кисти было слишком много чернил.

Чу Цин-Янь взяла себя в руки, прежде чем снова наклонилась к бумаге.

Одно движение и слишком много клякс. По всей бумаге было много черных тонких линий. Чу Цин-Янь покраснела от стыда. Она не могла даже вспомнить, когда последний раз писала кистью. То, что она только что написала, конечно, нельзя было показать кому-то.

К счастью, Сяо Сюй ничего не сказал ей, а лишь позволил ей практиковаться и дальше.

Чу Цин-Янь снова опустила голову и начала писать. Написав два слова, она решила сменить бумагу.

Она только сменила бумагу, как кто-то закрыл солнечный свет. Чу Цин-Янь подошла ближе и увидела, что это был какой-то человек. Она развернулась и почувствовала, как всё её нутро охватила чистая холодность.

Чу Цин-Янь застыла на месте, опустив голову, чтобы не смотреть на то, как длинная, тонкая белая рука движется мимо её талии и хватает её руку, в которой она держала кисть. А вторая рука оказалась слева от неё, словно так и должно быть.

Чу Цин-Янь думала, что люди с таким холодным темпераментом, холодны с головы до пят, поэтому она думала, что его рука должна была быть такой же, как глыба льда. Однако, когда она ощутила его прикосновение, она почувствовала тепло, словно теплый солнечный весенний

свет. Она немного отвлеклась.

Не правильно, не так, как её можно было смутить своим обаянием? Хотя она и была почитательницей всего прекрасного, но у неё все ещё были остатки разума?

Она должна быть возмущена или воспользоваться правом преимущества?

Поскольку Чу Цин-Янь стояла спиной к Сяо Сюю, он не видел, как менялось её настроение. После того, как он взял её за руку, он задумался. Это был первый раз, когда он взял кого-то за руку. Всё, что он делал двадцать лет – писал и держал меч. И кисть, и меч были ледяными, от них не исходило никакого чувства. И только это мягкое тепло позволило ему испытать новое и странное чувство.

Её рука была крошечной, такой маленькой, что его рука с легкостью сжимала её. Такая тонкая, короткая со стройными суставами. Словно одним хватом он мог сломать её. Худая и слабая, заставляющая людей пожалеть её.

Палец Сяо Сюя слегка двинулся, ведя её руку с кистью по белому листу бумаги.

Очень быстро Чу Цин-Янь уставилась на его действия. Она поняла, что он взял её за руку лишь для того, чтобы научить её писать. Её учитель уже делал такое. Это была такая простая и обычная вещь, но она не знала, почему, когда взгляд Сяо Сюя остановился на ней, она почувствовала себя несколько странно.

«Сконцентрируйся», - громкий и холодный голос раздался из-за её спины. Казалось, он был чем-то раздосадован.

Чу Цин-Янь вздрогнула, почувствовав нетерпение в его голосе. Она тут же сосредоточилась на белой бумаге, что лежала перед ней.

Может, она слишком много думает об этом, может быть, Сяо Сюй взял её лишь в качестве ученика; это она была слишком чувствительной.

Думая об этом, всё её нутро расслабилось, не позволяя воображению придумать что-то ещё.

Сяо Сюй почувствовал, как Чу Цин-Янь медленно расслабляется. Глаза Сяо Сюя поднялись: «То, что ты написала до этого, было слишком уродливым. Если кто-то увидит это, это испортит мою репутацию».

Услышав это, Чу Цин-Янь втихую показала язык. Хотя то, что она написала и было уродливым, но если учитывать то, что она только начала, это было очень даже красиво. Однако он не могла забыть о том, что человек, который стоял за ней, преследовал совершенство. Более того, как гордый и высокомерный человек, занимающий лидирующие позиции, ему никогда не приходилось заботиться об этом процессе. Он всегда смотрел только на результат. Именно поэтому то, что она написала, было для него ужасным.

Честно говоря, то, что она написала под его руководством, было очень даже красиво. Если бы только её рука не была такой застывшей, она смогла бы написать точно также.

После того, как он помог написать Чу Цин-Янь несколько слов, Сяо Сюй отпустил её, позволив ей практиковаться самой.

«Обращай внимание на чувство, которое ты сейчас ощутила. Запястье должно двигаться, пока

рука остаётся неподвижной. При написании горизонтальных штрихов оба конца должны быть толстыми, а центр – тонким. При написании вертикальных штрихов пальцы не должны дрожать. Так криво. Ты, что, думаешь, что ты рисуешь гусеницу?»

В легком выговоре Сяо Сюя можно было заметить шутку, которую даже он не сразу понял. Он повернулся, и на его лице можно было заметить улыбку.

Чу Цин-Янь не видела, она лишь чувствовала, что его требования были слишком высоки. Если бы она чувствовала себя точно так же, как тогда, когда она училась в современном мире. Сяо Сюй действительно требует от неё слишком много.

«Ваше высочество, не стоит пытаться бежать, прежде чем научишься ходить. Я только начала учиться, дайте мне немного времени на то, чтобы попрактиковаться», - Сяо Сюй замолчал, показав Чу Цин-Янь, как правильно писать, но когда он снова попытался научить её писать, Чу Цин-Янь сразу же подняла голову, чтобы возразить.

Когда Сяо Сюй услышал это, он не рассердился, скорее, он равнодушно взглянул на неё: «Не пытайся бегать, пока не научишься ходить? Ты знаешь даже такую пословицу. Однако ты когда-нибудь слышала о том, что у самых требовательных учеников, всегда самые лучшие ученики? Я очень терпелив, но я учил тебя всего один день, ты должна слушать меня».

«Диктатор! Тиран!» - Чу Цин-Янь обиделась и выпалила это.

Как то, что она тихо сказала, могло не донестись до Сяо Сюя? Сяо Сюй поджал губы: «Сегодня ты должна исписать двадцать страниц, иначе можешь забыть об обеде».

Опять еда! Чу Цин-Янь разозлилась. Неужели она похожа на того, кто постоянно думает о еде?

Тем не менее, она, казалось, была немного голодна!

Чу Цин-Янь взглянула на стол. Ей оставалось более десяти страниц, так много!

На самом деле он издевается над ней!

Увидев, что она признала поражение, Сяо Сюй обрадовался. Затем он повернулся к ней и снова взял за руку, по которой он её бил, и погладил её. Весь смысл заключался в том, что ничего в этом мире не имело значения, было неважно, могла ли она прочитать другие имена, но его имя она должна была уметь написать. Разве мы не говорили до этого, что он очень консервативен и властолюбив? Затем он будет объяснять всё до мельчайших подробностей. После этого он снова позволил её практиковаться.

Чу Цин-Янь подумала о том, что это смешно. Хотя она и была возмущена, это был просто гнев. Однако у неё не было выбора, кроме как признать, что Сяо Сюй действительно хорошо писал, настолько хорошо, что с легкостью может быть чем-то учителем. Но для того, чтобы стать учеником, ваша способность не воспринимать психологическое давление должна быть очень высокой.

Под присмотром Сяо Сюя Чу Цин-Янь писала очень быстро, поэтому Сяо Сюй был доволен её успехами. Он спросил у неё: «Какие слова ты хочешь узнать?»

Чу Цин-Янь наклонила голову и задумалась, а затем осторожно сказала: «Какое слово хочет сказать его высочество?»

То, как она спросила его мнение, заставило Сяо Сюя улыбнуться. Он ничего не сказал, а лишь начал что-то писать.

Чу Цин-Янь подумала, что со стороны могло показаться, будто он льстит ему. Однако, увидев то, что он написал, она не смогла сдержаться и улыбнулась.

<http://tl.rulate.ru/book/8270/272420>